

Генрихъ Гейне въ своихъ письмахъ. Грязь, которой за послѣднія пятнадцать лѣтъ забрасывали Гейне—поэта и человѣка—не коснулась его. Пора противорѣчивыхъ мыслей, пора злобныхъ выходовъ послужили обвинительнымъ матеріаломъ, на основаніи котораго Генрихъ Гейне былъ колесованъ, обезглавенъ, четвертованъ, сожженъ, пепель его былъ развѣянъ на всѣ четыре стороны съ тѣмъ, чтобы ни одна частичка его тѣла не оскверняла родины нѣмцевъ. И, однако, у этого художника имѣется нѣчто сокровенное, чисто личное, что является ключомъ къ его личности, къ его творчеству, къ его жизни. Индивидуальность, какъ и другимъ дѣтямъ природы, дала ему величайшее счастье илиглубочайшее несчастье, она создала его величину или его ничтожество; объектъ зрѣнія перемещается благодаря точкѣ зрѣнія, съ которой смотрятъ на явленія. Быть можетъ, безъ своего въ высшей степени развитаго культа своему «я» Гейне былъ бы плохимъ поэтомъ, но лучшимъ обывателемъ,—искусство бы потеряло, а обыденщина выиграла. Собственное «я» занимаетъ у Гейне мѣсто всѣхъ другихъ представлений, которыя окрыляютъ другихъ людей, мѣсто разнаго рода чувствъ солидарности и порывовъ альтруизма. Гейне первый фактическій представитель индивидуализма, но не въ духѣ Фихте и не въ духѣ индивидуализма романтиковъ, который даетъ обоснованіе культа своего «я». Мнѣ кажется, его индивидуализмъ обязанъ тому удивительно нѣжному и болѣзненному организму, который нуждается въ ласковомъ уходѣ и въ усиленномъ вниманіи. Гейневскій культъ «я» его борьба противъ всего, что стоитъ на пути къ развитію этого «я», есть, мнѣ кажется, вѣрнѣйшее средство въ борьбѣ за существованіе. У него два врага: тѣлесная болѣзнь (головныя боли) и принадлежность къ тому религіозному обществу, которе создаетъ, по его словамъ, другую болѣзнь. Подобно тому, какъ отъ первой болѣзни онъ искалъ исцѣленія въ волнахъ Сѣвернаго моря, такъ искалъ онъ освобожденія и отъ второй болѣзни. Скоро ненависть противъ враговъ и притѣснителей, которые дѣлаютъ іудейство болѣзнью, утихла, и на мѣсто этой ненависти выступаетъ солидарное чувство состраданія къ своимъ товарищамъ по несчастью; скоро раздражается буря и противъ уже этихъ товарищей, которые сами являются причиной зла своимъ голымъ признаніемъ этого зла. Наконецъ онъ думаетъ, что здѣсь нашель средство къ исцѣленію. Онъ принимаетъ крещеніе. И тогда наступаетъ полное отрезвленіе: «Я каюсь, что крестился; я еще совершенно не вижу, чтобы мнѣ отъ этого стало лучше, напротивъ, съ тѣхъ поръ я вполнѣ несчастливъ».

Въ своихъ письмахъ Гейне рисуется намъ молодымъ юношей, гамбургскимъ купцомъ, гёттингенскимъ и боннскимъ студентомъ, берлинскимъ литераторомъ, творцомъ «Книги пѣсенъ» и «Путевыхъ картинокъ», мюнхенскимъ редакторомъ. Вначалѣ бурныя тирады неудовлетвореннаго цвѣтущаго юноши, начитавшагося «Разбойниковъ», одѣ Клопштока, которому уже и сны видятся кровавые, который подражаетъ людямъ періода Sturm und Drang'a вплоть до построения предложеній и запаса словъ, съ искусствомъ ребенка, курящаго табакъ, позже заимствуя изъ съ трудомъ достигнутой студенческой жизни различныя болѣе или менѣе подходящія картины и сравненія. Въ то же время идетъ война, озаренная индивидуализмомъ, который съ естественной силой выходитъ наружу, съ врагами окружающаго міра. Особенно невыно-

симой дѣлается сыну Рейна граница Гетто *). Вездѣ щемя сердце выступаетъ ненависть между христіанами и евреями. Полу-ироническое, иногда окрашенное въ сіонизмъ чувство солидарности съ угнетенными дѣлается значительнымъ, вновь вынырнувшій научно-обоснованный антисемитизмъ съ безпокойнымъ всеобщимъ настораживаніемъ къ переносимымъ оскорбленіямъ возбуждаетъ опасенія и въ немъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ появляется извѣстное эстетическое отвращеніе и къ нѣкоторымъ слоямъ товарищей по религіи, и къ самой религіи. Никогда Гейне не былъ болѣе невѣренъ своей природѣ, когда изъ чувства общаго страданія позволилъ себѣ увлечься клятвой солидарности: «Пусть я лишусь своихъ правъ, если я тебя забуду, Іерусалимъ!», — никогда болѣе вѣренъ, когда искалъ, куда бы принести все что есть лучшаго, свое «я». Вмѣстѣ съ такими общими жалобами выступаетъ и индивидуальный вопль: болѣзнь, одиночество, невѣрность друзей, злоба враговъ, боязнь остаться неопѣвнымъ и преслѣдуемымъ. Затѣмъ постепенно, особенно послѣ успѣха «Лирическаго интермеццо» наступаетъ перемѣна: «теперь у меня много знакомыхъ», «меня ужасно много стали читать и прославлять», «вдыхаю достаточно оиміаму», «совершенно незнакомые люди полны энтузіазма», онъ оцѣненъ гёттингенскими товарищами по университету, обласканъ княгинями и красавицами. Онъ грѣется въ утреннихъ лучахъ своей растущей славы: уже Гюго сравниваетъ его стихотворенія со стихотвореніями Гёте; скоро онъ и самъ не сомнѣвается, что его пѣсни не уступили бы въ народности пѣснямъ Бюргера, Гёте, Уланда. И творецъ «Книги пѣсенъ» и «Путевыхъ картинокъ» смѣло могъ дерзнуть на слова: «Пусть Вольфгангъ Гёте могъ оскорбить право народа на народный духъ, однако, я не буду препятствовать, чтобы его великое имя изрѣдка произносилось вмѣстѣ съ именемъ Генриха Гейне».

Однако, несмотря на всѣ эти выраженія наивной радости о счастливой побѣдѣ индивидуума, едва встрѣчается проявленіе преувеличеннаго о себѣ мнѣнія, нескромность. Какъ разъ къ тому времени, когда его первыя поэтическія произведенія обратили вниманіе, онъ отказался дать подробныя біографическія свѣдѣнія о себѣ для «галереи поэтовъ», такъ какъ совсѣмъ не считалъ себя достойнымъ названія поэта. Онъ радовался воспримчивости, которую показали его соотечественники къ его «ничтожнымъ талантамъ», но сѣтовалъ на большую односторонность своихъ способностей, которая допускала только варіаціи однѣхъ и тѣхъ же маленькихъ темъ, на болѣзненность, которая своими головными болями повліяла и на его творчество. О своей «Книгѣ пѣсенъ» онъ утверждалъ, что она спокойно, какъ простодушный купецъ, поплыветъ въ море забвенія, и послѣ 1828 г. пишетъ почти ипохондрически къ Котта, что у него не хватитъ ни знаній, ни писательскаго таланта взяться за редакцію, политическаго журнала. Къ своимъ познаніямъ Гейне всегда вообще предъявлялъ самыя строгія требованія, безпрестанно читалъ серьезнѣйшія книги и для своихъ произведеній, изучалъ источники. Далекій отъ того, чтобы вскружить себѣ голову своими успѣхами, Гейне показалъ въ ту счастливѣйшую эпоху, другой прекрасный перлъ, который покоился въ глубинѣ его души: въ письмахъ, полныхъ глубокаго уваженія, обратился онъ къ товарищамъ, Иммер-

*) Гетто—черта осѣдлости для евреевъ въ предѣлахъ города.

ману и Вельгельму Миллеру, съ благодарностью признался, что только благодаря изученію тридцати семи стихотвореній Миллера въ новыхъ формахъ, вытекающихъ изъ старыхъ существующихъ формъ народныхъ пѣсенъ, онъ былъ замѣченъ, и откровенно признался, что коротенькія австрійскія риѣмы для танцевъ послужили образцами его маленькимъ пѣснямъ. На мѣсто пароксизма, ироніи выступаетъ (въ 1824г.) признаніе: «Я знаю только слишкомъ хорошо, что для меня Германія, какъ вода для рыбы, что уйти изъ этого элемента жизни я не могу ничто я долженъ высохнуть «въ треску»*), если выпрыгну изъ воды Германіи».

Кто пересматриваетъ письма Гейне въ надеждѣ найти доказательство все еще утверждаемыхъ отрицательныхъ свойствъ его характера, тотъ нѣсколько разочаруется. Съ строгими требованіями къ самому себѣ Гейне соединялъ добродушную готовность помощи къ другимъ, а также къ болѣе молодымъ коллегамъ. Въ понятныхъ стремленіяхъ къ литературнымъ и общественнымъ связямъ никогда не выказывалъ онъ даже намека недостойнаго домогательства. Конечно, высказываются въ письмахъ и слабости Гейне: легкая наклонность къ наущничеству, сплетничеству и маленькимъ острымъ, злобнымъ выходкамъ, фривольныя остроты въ сужденіяхъ о женщинахъ и бракѣ, легкомысленное отношеніе къ деньгамъ, легкомысліе въ отказѣ съ трудомъ завоеваннаго общественнаго положенія. Неприятно, — если это объясняется внутренней сущностью Гейне—его отношеніе къ Гёте послѣ неудавшейся встрѣчи въ Веймарѣ. По желанію такъ благоговѣвшей передъ нимъ Рахили Варнгагенъ углубился онъ въ гётевскія творенія; они вызвали у него «очень хорошо». Но послѣ посѣщенія Веймара, гдѣ Гёте, будто бы, наговорилъ ему много дружескихъ и снисходительныхъ словъ и оказалъ трогательное глубоко-человѣчное опасеніе за его здоровье, — высказалась уязвленность въ своихъ глубочайшихъ чувствахъ въ противоположеніи себя къ Гёте: тотъ Гёте, эпикуреецъ, эгоистъ, преслѣдующій пріятныя наслажденія жизни; онъ, Гейне, воодушевленный фанатикъ, всегда готовый принести въ жертву за идею свою жизнь. Но, несмотря на всю лютую раздражительность, Гейне выказалъ также тонкое пониманіе произведеній Гёте.

Иногда великій индивидуалистъ кажется въ высшей степени фальшивымъ въ своихъ чувствахъ. Если, какъ мы уже говорили, его сочувствіе къ великой еврейской скорби было результатомъ личныхъ чувствъ, то нельзя умолчать, когда человѣкъ, котораго приводитъ въ уныніе масса, съ ея «темной ненавистью и ея противной любовью», съ нѣкоторымъ кокетствомъ утверждаетъ, что его очень печалитъ, когда онъ постоянно читаетъ въ газетахъ, что на улицахъ Лондона замерзаютъ и на улицахъ Неаполя умираютъ съ голода, или что французскую Іюльскую революцію онъ предчувствовалъ всѣмъ своимъ существомъ. Конечно, его чувства были гораздо проще, чѣмъ слова.

Сравнительно мало письма даютъ для творчества Гейне и его произведеній. Долгое время онъ близко стоитъ къ той довольно старой эстетикѣ, которая отрицаетъ зависимость между искусствомъ и временемъ, для которой поэзія «только прекрасная побочная вещь». Черты новѣйшаго художественнаго міросозерцанія высказываются лишь изрѣдка,

*) Игра словъ: Stockfisch—треска, въ то же время дуракъ, болванъ.

развѣ въ признаніи, что одного пріятеля онъ любить за чрезвычайную забавную способность говорить, другого за удивительные гортанные звуки. Какъ вообще укрѣпляется въ Гейне естественное чувство, лучше всего поазываетъ сравненіе его остротъ надъ бушующимъ моремъ въ 1823 г. съ чувствомъ тѣсной принадлежности къ бушующимъ элементамъ, вы-заннымъ тремя годами позже. О своихъ произведеніяхъ Гейне выра-скажается часто въ ироническихъ гиперболахъ, и ной разъ съ пренебре-женіемъ ипохондрика. Однако, тамъ и сямъ сверкаютъ проблески гени-ального самосознанія: такъ напримѣръ, онъ называетъ «Морскія картинки» самымъ выдающимся изъ того, что онъ написалъ.

Наконецъ, что письма Гейне есть высшая красота формы, что они полны блестящихъ остротъ и брызжущихъ искрами противопоставленій (самыя удачныя изъ которыхъ часто примѣнимы по многимъ адреса-тамъ),—едва ли объ этомъ нужно упоминать.

VI. Искусство—театръ, музыка, живопись и пр.

Винченцо Вела. — Кризисъ декоративныхъ искусствъ.

Винченцо Вела. Современная художественная критика очень основа-тельно изучила реформаціонное движеніе искусства въ XIX столѣтіи во Франціи, Германіи, Англіи и при этомъ совершенно игнорировала стре-мленіе къ реализму, стремленіе итальянскихъ художниковъ освободиться отъ гнета академическихъ условностей. Мутеръ въ своей «Исторіи живо-писи» посвящаетъ, правда, нѣсколько словъ современнымъ итальянскимъ художникамъ, но зато итальянскіе скульпторы имѣютъ полное право претендовать на выказываемое имъ невниманіе, потому что они обой-дены полнымъ молчаніемъ. Художественная выставка въ Венеціи, націо-нальная художественная выставка въ Миланѣ, радушно приглашающая къ себѣ въ настоящее время всѣхъ истинныхъ любителей искусства, снова обратили вниманіе критики на современное состояніе итальян-скаго искусства. Заснувшій было гений Италиі просыпается снова, съ неимоверною силою расправляетъ онъ свои крылья, и шумъ его полета далеко слышенъ въ другихъ странахъ. Въ силу справедливости особаго вниманія, конечно, заслуживаютъ скульпторы, среди которыхъ имѣются выдающіеся художники, но почти всѣ они находятся подъ вліяніемъ Винченцо Вела. Бутти, Феррари и Квадрелли всѣмъ своимъ внутреннимъ существомъ близко соприкасаются съ великимъ швейцарцемъ.

Винченцо Вела, основатель современной итальянской скульптуры, сынъ бѣдныхъ родителей, родился 3-го мая 1820 года въ тессинской деревушкѣ Лигорнетто. Его родители занимались земледѣліемъ и сами обрабатывали землю; братъ его, Лоренцо, былъ въ Миланѣ каменотесомъ. 9-ти лѣтъ отъ роду Винченцо поступилъ на службу въ каменоломню Реа-лини въ Безаціо. Спустя короткое время его сотрудники называли его уже «художникомъ», а черезъ нѣсколько лѣтъ мы его находимъ вмѣстѣ съ братомъ въ Миланѣ, на работахъ по ремонту собора. Несказанными усилиями удалось старшему брату опредѣлить Винченцо въ академію въ Брерѣ. На талантливаго мальчика обратилъ вниманіе художникъ Саба-телли, просилъ за него своего коллегу Каччіатори, и хлопоты его не про-